

Транзит, модернизация, и н н о в а ц и и

Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех»

Лапин Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра, Институт философии РАН, Москва

E-mail: lapini31@mail.ru

Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех»

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542

Аннотация. Статья¹ представляет собой опыт участия автора в дискурсе о содержании, результатах и перспективах постсоветской трансформации российского общества. Автор предварительно излагает результаты исследований, выполненных с позиций антропосоциокультурного эволюционизма и критического гуманизма. Он предлагает следующие выводы: (1) Перестройка и самораспад СССР подготовили возможность новой эпохи России. Однако новые властные элиты навязали населению реверсивно-гетерогенный переход (гибридный транзит) к «капитализму для своих», который создал вопиющие контрасты богатства и нищеты населения, блокирует саморазвитие общества, создает риски существованию страны: устойчиво воспроизводятся, но не решаются одни и те же острые проблемы; возникли новые опасные проблемы и рискогенные цивилизационные вызовы. (2) Автор полагает, что к настоящему времени в основном исчерпан конструктивный потенциал гибридного транзита. Нарастает потребность в «модернизации для всех», или гуманистическая модернизация. Автор использует известные ему результаты российских учёных, а также свои собственные. Опираясь на них, он предлагает содержательные ориентиры, очерчивающие диапазон желательных изменений жизни всего населения к лучшему, обосновывает актуальность концепта «реальный гуманизм», целесообразность федеральной целевой программы «Становление Российской Федерации как сильного социального государства», а также новой интерпретации концепта «цивилизма», формирующегося в результате конвергенции посткапитализма и постсоциализма. Характеризует институты рефлексивного саморазвития, которые могут вытеснить вседозволенность отношений властных элит с населением цивилизованными нормами: равенство стартовых возможностей для всех, национальное имущество и частная собственность, социальное государство, социально ориентированное рыночное хозяйство, социальная справедливость, реальный гуманизм. Для формирования научно обоснованных подходов к решению новой совокупности проблем необходимы не только междисциплинарные, но и трандисциплинарные исследования с участием социологов, экономистов, правоведов, политологов, психологов, специалистов в области философии истории, синергетики, системных исследований.

Ключевые слова: критический гуманизм; антропосоциокультурная трансформация, реверсивно-гетерогенный переход (гибридный транзит), «капитализм для своих»; «модернизация для всех», социальное государство, реальный гуманизм

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (исследовательский грант № 18-011-00386: «Антропосоциокультурный эволюционизм как принцип изучения сложности становления нового российского общества и его региональных сообществ»).

Как известно, **человек** (антропос, *homo sapiens*) есть синергично сложное, биосоциокультурное существо, которое само создало себя своей деятельностью, направленной на природу и на других людей. В результате взаимодействий людей возникли их *антропосоциокультурные сообщества*, среди которых **общество** обладает максимальной самодостаточностью. Синтезируя в себе три паритетные универсалии (природные качества, культуру, социальность), человек обретает синергичные характеристики целостности и уникальности (как индивид, личность). Каждый человек как деятельное существо стремится сохранить и/или повысить уровень и качество своей жизни, своё положение (социальный *статус*) среди других людей. Основу такой возможности составляет *культура*, ядро которой образует способность человека, в отличие от других живых существ на Земле, своей продуктивной деятельностью не только удовлетворять свои природные потребности, но и создавать новые, социокультурные потребности и способы удовлетворять их, а по мере их удовлетворения – создавать новые (не всегда более высокие) потребности и т. д. Инновационные действия индивидов по мере их распространения (диффузии) приобретают групповое и общественное значение, становятся процессами *модернизации* жизнедеятельности общества, всей цивилизации. Результаты модернизации могут быть полезными всем членам общества (социальные отношения мутуализма или кооперации) *или*, в соответствии с разными групповыми интересами, оказываются выгодными одним слоям общества и наносят ущерб другим (отношения паразитаризма); в рамках такой альтернативы выбор зависит от культуры (*ценностей*) большинства населения и определяет характер институтов общества. *Саморазвитие* деятельности человека, его потребностей, способов и результатов их удовлетворения совершается спонтанно и организовано. Траектории саморазвития общества нелинейны; возникают синергично сложные проблемы, успешное решение которых невозможно путём простых решений.

При этом люди осуществляют три основных вида действий: а) уясняют (понимают) реалии своей жизни; б) соотносят их с базовыми ценностными ориентациями и конструируют (придумывают) желаемое изменение реалий к лучшему; в) обдумывают способы, технологии, которые делают возможным достижение желаемого состояния, учитывая содействия и противодействия других людей, влияние природных и иных факторов. Потребность в осмыслении реального состояния своей жизни и обдумывании способов существенных её изменений к лучшему повышается по мере стабилизации этого состояния и в связи с рубежными событиями в истории общества и жизни граждан страны, аккумуляции их экзистенциального опыта.

Люди осуществляют три основных вида действий: а) уясняют реалии своей жизни; б) соотносят их с базовыми ценностными ориентациями и конструируют желаемое изменение реалий к лучшему; в) обдумывают способы, которые делают возможным достижение желаемого состояния.

Минули 100 лет после Великой русско-российской революции 1917 г., в результате которой возник СССР, и почти тридцать лет после его самораспада. О 100-летию революции уже немало написано (хотя официально сказано крайне мало). Из новых публикаций назову книгу Института философии РАН «Революция, эволюция и диалог культур» [Революция... 2018]. Вместе с тем, возникла потребность в научном и общественном дискурсе: к чему пришла постсоветская Россия и какое состояние её граждан и всего российского общества желательно в ближней и среднесрочной перспективе? Сегодня он конкретизируется вопросом: «Достигнут ли фундаментальный или промежуточный результат постсоветской трансформации России?» Настоящая статья представляет собой опыт участия автора в таком дискурсе с позиций антропосоциокультурного эволюционизма и критического гуманизма [Лапин 2015; 2016; 2018a].

Самораспад СССР и возможность разных векторов постсоветской трансформации

Самораспаду СССР предшествовала попытка его *перестройки*. На начальных её этапах она была воспринята значительной частью советского общества «как долгожданное событие, как возможность реализации надежд поколений, ещё помнивших «оттепель» 50–60-х гг.» [Горшков, Петухов 2005: 375]. Действительно, её архитектор тут же вступил в «прямой диалог с народом». Широкие слои населения пришли в состояние эйфории – вдруг здесь и теперь **начнут сбываться исторические надежды** на существенные и справедливые изменения жизни к лучшему.

Но в речах «прорабов перестройки» было немало слишком общих рассуждений. Раздражала нерешительность и просто бездействие в отношении практических задач. Это было обусловлено не только личными качествами инициаторов перестройки, но и плохим знанием того общества, которое они решились перестроить (об этом незадолго до перестройки мужественно сказал Ю. В. Андропов), тем более – самих способов перестройки. Например, отсутствием достоверных представлений о рыночной экономике, переход к которой был декларирован как одно из направлений поставленной задачи. Перестройка началась и продолжилась при незнании реалий. Не только у её инициаторов, но и у большинства советских учёных – экономистов и других обществоведов – были довольно смутные представления о логике и способах перехода к рыночной экономике.

Опираясь на собственный опыт, академик А. Д. Некипелов впоследствии констатировал: «Ключевые вопросы, касающиеся формирования у хозяйственных субъектов подлинно рыночной мотивации, создания институтов рыночной экономики, обеспечивающей переток факторов производства в наиболее прибыльные области, в сущности оставались вне поля зрения советской экономической науки» [Некипелов 2005: 180]. В 1986 г. была официально поставлена задача формирования «объединённого социалистического рынка» и стали обсуждаться вопросы широкого развития рыночных отношений между соцстранами, включая микроуровень – «прямые связи» между предприятиями разных стран. Однако, «осознав необходимость рынка, мы всё ещё очень поверхностно представляли себе его суть, а потому наши действия носили отрывочный, не комплексный характер и зачастую осуществлялись не в той последовательности. Результатом стало попадание страны в своеобразное «межсистемье» – уже не плановая социалистическая экономика, но ещё и не рыночная». А. Д. Некипелов писал: «...довольно быстро я пришёл к выводу, что ключ к успеху преобразований состоит в формировании подлинно рыночной мотивации у предприятий государственного сектора, а также в создании адекватных новым хозяйственным условиям институтов, обеспечивающих необходимое перемещение труда и капитала между различными видами производства... И в конце концов я понял, что институциональные преобразования, связанные с формированием мотивации производителей, соответствующей новым условиям, а также созданием рынков труда и капитала, следовало проводить по возможности быстро, а вот либерализацию многих сторон хозяйственной деятельности – постепенно, как бы дозируя действие рыночных сил» [Некипелов 2005: 184–185].

Действия лидеров перестройки в условиях плохого знания перестраиваемой реальности и способов её изменений рождали у людей новые разочарования и неуверенность, открывали новые лазейки вседозволенности. Среди части властных и интеллектуальных элит союзных республик культивировалась трактовка СССР не как федерального государства-цивилизации, а как «Российской империи», возникали и получали распространение сепаратистские настроения в союзных республиках Прибалтики, Украины, в РСФСР. Политические деятели советской России, прежде всего Б. Н. Ельцин, стали акцентировать «ущемлённость» формального статуса её партийной и иных структур по сравнению с другими республиками Союза ССР и добиваться независимости от центрального ядра партийно-командной системы. Первоначально неявные, эти действия не получили противодействия, адекватного высокой сложности проблем, и быстро переросли в открытое противодействие союзной государственности.

Самораспад СССР произошёл буднично, даже цинично-прагматично. После провала августовского путча 1991 г., в сентябре самораспустился Съезд народных депутатов СССР. В октябре–начале ноября Ельцин подписал три указа, запретившие КПСС в РСФСР. 1 декабря 1991 г. Украина на референдуме высказалась за независимость. Б. Н. Ельцин от имени руководства России заявил о признании независимости Украины. 4 декабря на встрече с российскими депутатами Верховного Совета СССР Г. Бурбулис сообщил: «В субботу (8 декабря) мы выезжаем в Беларусь, где намерены подписать ряд соглашений» [Эпоха... 2011: 181]. Но умолчал, что в этом «ряду» есть проект соглашения президентов трёх славянских республик о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование». Вместо этой реальности было предложено создать Содружество Независимых государств – СНГ. Ельцин сразу же сообщил об этом Президенту США Бушу, а Президент СССР узнал о соглашении глав трёх республик через два дня от Шушкевича как главы страны-депозитария документа. Попытки Горбачёва бескровно спасти распадающийся Союз¹ оказались безрезультатными, и он заявил, что слагает с себя обязанности Президента. 12 декабря российский Верховный Совет подавляющим большинством голосов ратифицировал Беловежское соглашение и попутно по-новому назвал возникшее независимое государство: «Российская Федерация (Россия)». Другие республики также стали высказываться в пользу СНГ; на встрече в Алма-Ате 11 независимых государств учредили это Содружество. Все республики бывшего СССР обрели независимость *без потерь*, кроме исторически большой России, для которой этот акт означал крупнейший её *самораспад*.

Затем на съездах народных депутатов России развернулись бурные противостояния президента Б. Н. Ельцина и депутатов о законодательном оформлении государственного устройства независимой России, т. е. о внесении изменений в действовавшую Конституцию РСФСР о функциях органов законодательной и исполнительной власти, о переходе к рыночной экономике и другим вопросам. Впечатляющим итогом непримиримых противостояний стал свершившийся 3–4 октября 1993 г. факт беспощадной вседозволенности новых властных элит по отношению к оппозиции – *расстрел Белого дома*, в котором находились сопротивлявшиеся депутаты во главе с Р. Хазбулатовым, А. Руцким и некоторыми генералами, которые в свою очередь заявили об отстранении Б. Ельцина и предпринимали попытки вооружённого захвата президентской власти.

¹ Обсуждалась идея чрезвычайного Съезда союзных депутатов СССР, открытие которого предполагалось в Москве 25 декабря 1991 г. [Эпоха... 2011: 182], но формально съезд уже самораспустился.

Тем не менее, при всех противоречиях и катастрофном для СССР исходе, результаты перестройки создали возможность вступления России в новую эпоху – эпоху трансформации из прежнего, послеордынского (а не только советского) состояния¹ в качественное иное. По большому счёту, всматриваясь не в советское и досоветское прошлое, а в российское будущее, перестройку можно считать не только завершающим этапом существования страны Советов, но и подготовительной фазой её трансформации в новое состояние. Какой могла быть эта трансформация?

Один из первых и наиболее радикальных диагнозов предложил Б. А. Грушин. В статье «Смена цивилизаций?», опубликованной в последнем номере 1991 г. журнала «Свободная мысль», заменившего «Коммунист», он писал: «Главный корень всех совершённых реформаторами ошибок, всех их неудач – вопиющее несоответствие предлагаемых ими стратегий поведения действительным характеристикам той социальной материи, которая называется советским обществом образца 1917–91 гг.». Под реформаторами он имел в виду «прорабов перестройки» и иных активных её участников, которые не понимали, что «суть дела тогда заключалась в том, что общество, претенциозно связавшее себя с новой («высшей»!) в истории человечества – так называемой социалистической – цивилизацией, к этому времени *полностью исчерпало себя как определённый тип человеческого общежития*, проиграв большинству иных цивилизаций по таким важнейшим показателям, как эффективность производства, уровень народного благосостояния, степень свободы личности, и тем самым обнаружив перед лицом всего мира свою всестороннюю историческую несостоятельность» [Грушин 1991: 27, 29].

Заканчивал Б. А. Грушин свою статью словами: «Что же касается последнего сформулированного мною вопроса относительно *основного направления*, главного вектора начавшихся в стране изменений, то он, на мой взгляд, не имеет пока однозначного ответа... Лишь в терминах теории вероятности следует оценивать ныне и возможности достижения любых, более конкретных целей... Какие из этих целей на самом деле будут достигнуты, реализованы, а какие так и останутся лишь «на бумаге» – покажет будущее». [Грушин 1991: 35, 36].

Этот вывод социолога находился в русле ранее высказанных размышлений его друга-философа М. К. Мамардашвили относительно антропологической катастрофы в СССР².

¹ Характеристика послеордынского состояния России не входит в задачи настоящей статьи.

² В первой половине 80-х гг. Мамардашвили говорил о «скрытой от глаз... антропологической катастрофе» и пояснял: «Система, называемая монополией, стоит вне цивилизации, так как разрушает само её тело, порождая тотальное опустошение человеческого мира» [Мамардашвили 1990].

Продолжением этих размышлений я считаю проект их единомышленника, философа и социолога Ю. А. Левады (в его ВЦИОМе) о социально-антропологических характеристиках советского и постсоветского человека [Левада 2006]. Вместе с тем большинство отечественных социологов, изучавших проблемы и перспективы макросоциальных (социетальных) преобразований в постсоветской России с гуманистических позиций, стали использовать термин «трансформация». В отличие от термина «модернизация», который активно использовали прагматично ориентированные экономисты¹.

Аргументы в пользу трансформации исходили от Т. И. Заславской и В. А. Ядова: в сравнении с модернизацией, трансформация не предполагает определённой цели и осуществляется преимущественно спонтанно, а это как раз и было характерным для радикальных социально-экономических преобразований, которые российские либералы осуществляли под флагом «рыночных реформ» [Заславская 2002; Ядов 2006]. Я вначале характеризовал эти процессы как социокультурную реформу, а затем, при работе над книгой «Пути России», принял термин «социокультурная трансформация» [Лапин 2000]. Действительно, термин «трансформация» оставлял теоретически открытым вопрос о *векторе* осуществляемых преобразований (на его открытость ещё надеялись гуманистически ориентированные социологи и иные обществоведы, хотя для неолиберальных организаторов постсоветских преобразований этот вопрос быстро стал ясным – вектором должен быть и становится капитализм, но открыто говорить об этом решались немногие).

Вектор радикальной трансформации стал центром внимания международного симпозиума на тему «Куда идёт Россия?..». Он ежегодно проходил в Интерцентре (Междисциплинарном академическом центре социальных наук) и стал своего рода интеллектуальным мониторингом российских преобразований. В 1993–2003 гг. состоялись 10 симпозиумов. Достаточно устойчивый состав их участников консолидировался в неформальное дискурс-сообщество профессионалов в области социально-экономических наук, которое выступало как значимый интеллектуальный компонент гражданского общества в новой России.

Инициатором и организатором симпозиумов была академик Т. И. Заславская. Первые два симпозиума имели подзаголовок «Альтернативы общественного развития». Первый из них состоялся 17–19 декабря 1993 г., немногим более чем через два месяца после драматичных событий 3–4 октября

¹ Им противостояли многие «экономисты-академики», настаивавшие на необходимости гуманистических реформ в экономике (см.: [Гуманистические ориентиры... 2002]). О конструктивной позиции академика Д. С. Львова и его коллег я ниже скажу отдельно.

и через неделю после всенародного одобрения Конституции Российской Федерации и неожиданных результатов выборов Федерального Собрания (12 декабря). Открывая симпозиум, Заславская подчеркнула переломный характер переживаемого этапа российской истории: «В настоящее время Россия находится на развилке исторического пути, в «точке неопределённости», откуда могут быть проложены принципиально разные траектории». Будет ли новый этап «разумным и эффективным или самоубийственным, разрушительным? Этого пока не знает никто» [Заславская 1994: 4].

Через 10 лет, подводя итоги, она так резюмировала научно-гражданские смыслы радикальных реформ 90-х гг., выявленные участниками симпозиума: «В итоге сегодня мы имеем социально расколотое общество со слабо развитым средним слоем и депривированной, в значительной мере люмпенизированной основной массой граждан... На одном полюсе общества сосредоточился класс наёмных работников, практически лишённых частной собственности, а на другом – класс собственников и распорядителей капитала как самовозрастающей собственности... Чтобы *переломить* эту тенденцию, добиться гармонизации социальной структуры и эффективного использования сохранившегося человеческого потенциала, есть только одно средство – осуществить *новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ*... Речь идёт о социально-демократических реформах» [Заславская 2003: 395, 396].

Проблема выбора вектора постсоветских преобразований была в центре внимания не только социологов, но и философов, политологов, правоведов, экономистов. Среди правоведов она ещё с перестроечных времён глубоко волновала выдающегося теоретика, историка и философа права В. С. Нерсисянца. К 2000 г., к рубежу тысячелетий, в контексте запроса властей на «национальную идею» и в самый разгар дискуссий на симпозиуме «Куда идет Россия?..», он подытожил свои поиски в виде «Манифеста о цивилизме». В первом его разделе «Социализм и постсоциализм» он выделил жирным шрифтом суть проблемы, возникшей в условиях радикальной смены двухполюсного миропорядка на однополюсный: «Глобальное значение в этой связи приобретает проблема постсоциализма. Характер постсоциализма во многом определит направление развития последующей истории... Если социализм – это историческая ошибка, то капитализм оказывается концом всемирной истории, и после социализма надо возвращаться к капитализму... Если же социализм, несмотря на связанное с ним зло, – не историческая ошибка, тогда у социализма должна быть своя (иная, чем капитализм) будущность и, следовательно, ошибочным в таком случае является представление о возврате к капитализму... Определяющее значение для

общества с социалистическим прошлым и, как оказалось, без коммунистического будущего имеет надлежащее **правовое преобразование социалистической собственности в индивидуализированную собственность всех членов общества**» [Нерсисянц 2000: 1–4]. И далее: «С позиций права все граждане – наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом... **Новый, постсоциалистический строй** с такой гражданской (цивильной, цивилитарной) собственностью и соответствующим цивилитарным правом можно в отличие от капитализма и социализма назвать **цивилизмом, цивилитарным строем** (от латинского слова *civilis* – гражданский)» [Нерсисянц 2000: 21–22].

Призыв выдающегося правоведа-гражданина не получил общественного резонанса. Но сами учёные затем избрали автора манифеста, член-корреспондента РАН действительным членом, академиком РАН.

Интенсивный поиск оптимального вектора экономического устройства постсоветской России вели в 1990-е гг. гуманистически ориентированные экономисты, работавшие преимущественно в научных учреждениях РАН. Широкую известность получили результаты исследований под руководством академика Д. С. Львова. В них обоснована **концепция национального имущества** и система управления им в интересах **всех членов общества**. Подытоживая многие публикации, Д. С. Львов в **тысячелетне-рубежном (2000-м) году** представил результаты широкой общественности в виде «Экономического манифеста» [Львов 2000], а в феврале 2002 г. – как научный доклад на заседании Президиума РАН [Львов 2002]. В развёрнутом виде аргументация содержится в подготовленных под его руководством коллективных монографиях «Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики)» 1999 г и «Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы» [Львов, Поршневу 2002].

Как автор одного из подразделов второй монографии, я обращаю внимание читателей на её третью главу (в ней нет моего авторства), в которой дан анализ институциональных факторов – сердцевины радикальных социально-экономических преобразований, и прежде всего на подраздел 3.3. «Концептуальные основы стратегии развития отношений собственности в России» (автор – д.э.н. В. Г. Гребенников). Здесь лаконично и чётко, доступным для неэкономистов языком представлена политэкономическая суть соотношения категорий «собственность» и «собственник», отличающаяся от популярного марксистского его понимания, воспринятого из «Капитала». В действительности излагаемая концепция восходит к тому осмыслению высокой

сложности соотношения названных категорий, которое имплицитно содержится в «Экономическо-философских рукописях» К. Маркса 1844 г.

Чтобы представить позицию аутентично, придётся дать слово автору цитируемой работы. «О собственности написано немало... Динамика требует связать генезис собственника с реальным экономическим процессом... Что собственность появляется в ходе присвоения – общеизвестно. Противоположное действие – отчуждение. Однако функциональное значение присвоения–отчуждения должно быть определено теперь более строго, чем это делалось до сих пор... Обычно присвоение толкуют как знаковое действие, некий юридический акт, что, безусловно, сужает представление об экономической роли собственника... Гипотеза о реальном включении, об интеграции в экономическую систему предполагает более широкий взгляд на проблему. Функции собственника расширяются до категории управления имуществом... Рядом с собственником возвышается не менее тщательно и выразительно выписанная фигура предпринимателя...

Однако, как это часто бывает в экономике, внутриличностное противоречие между собственником и предпринимателем со временем принимает вид противостояния и сотрудничества самостоятельных хозяйственных персонажей, т. е. собственник и предприниматель выступают как разные лица. Дело в том, что присвоение перестаёт быть единственным способом включения в систему. Наряду с этим появляются аренда и кредит... Ещё более усложняется и обостряется ситуация в связи с формированием фиктивного капитала – акций и облигаций, а также разделением экономики на два сектора – реальный и финансовый... *Происходит удвоение собственности.*

В тандеме предприниматель–собственник позиции собственника оказываются значительно ослабленными по сравнению с моделью аренды или денежной ссуды. Ослаблены и общественные функции защиты собственности. Собственник фиктивного капитала (в отличие от собственника-предпринимателя) лишён реального контроля и ориентирован целиком на фондовую биржу. У контролирующей группы появляется возможность манипулирования доходами, в ходе которого сохранение собственности уже не является граничным условием. Более того, превращая собственность в доход (т. е. просто-напросто расхищая её), манипулятор в состоянии вести игру на повышение финансовой стоимости фирмы, поскольку котировка акций учитывает именно динамику распределяемого дохода. В обществе возникает аберрация сознания: наблюдая расхищение собственности, оно видит в этом увеличение богатства. И дело здесь, конечно, не в эффекте «пирамиды».

Эффект «ножниц» между фиктивным и реальным капиталом неуклонно усиливается от десятилетия к десятилетию» [Гребенников 2002: 204–206].

Близкая позиция изложена во второй главе той же коллективной монографии. Глава называется «Уроки», а её первый подраздел – «От аномальной экономики к эффективному рыночному хозяйству» (автор – академик А. Д. Некипелов). Предпочитаю также воспроизвести интересующую меня позицию словами её автора: «Есть обстоятельства, которые заставляют усомниться, что мы имеем дело с более или менее нормальной рыночной экономикой. Налицо невиданный разрыв между финансовой и производственной сферами... Бюджетный дефицит держался на высоком уровне не потому, что сохранялись недопустимо высокие расходы, а потому, что снижение расходов сопровождалось ещё более быстрым падением доходов бюджета. На мой взгляд, эти и другие подобного рода явления свидетельствуют о том, что *в России сформировалась квазирыночная хозяйственная система, функционирующая по законам, весьма существенно отличающимся от законов нормальной рыночной экономики*» [Некипелов 2002: 114–115] (Здесь и далее курсив автора статьи – Н. Л.).

Далее автор пояснил: «Практика российских реформ свидетельствует, что проблема рыночной экономики не решается автоматически с приватизацией государственной собственности, по крайней мере такой приватизацией, какая была проведена в России... Дело в том, что цели, преследуемые хозяйственным субъектом, непосредственно зависят не от формы собственности, а от прав собственности, т. е. от характера взаимоотношений, складывающихся прежде всего между собственниками капитала и управляющими предприятиями... В применявшейся у нас модели приватизации имелся целый ряд элементов, способствовавших формированию на крупных и средних предприятиях нерациональной системы корпоративного управления...

Убеждён, что *деформация прав собственности – это не частный дефект российской хозяйственной системы, а фактор, имеющий системный характер*; именно он определяет в конечном счёте всю специфику функционирования нашей экономики.

Из уже сказанного ясно, что при отсутствии эффективного контроля всех собственников капитала над деятельностью предприятия последнее превращается из объекта приложения созидательных усилий в объект примитивного растаскивания со стороны менеджмента и/или отдельных акционеров. Механизм такого растаскивания приобретает форму рыночных сделок, в обслуживание которых вовлекается финансовая сфера. Процентная ставка начинает формироваться не под воздействием спроса на капитал, необходимый для

Деформация прав собственности – это не частный дефект российской хозяйственной системы, а фактор, имеющий системный характер; именно он определяет в конечном счёте всю специфику функционирования нашей экономики.

созидательной деятельности, а под влиянием спроса на кредиты, применяемые в многообразных схемах увода капитала с предприятий. Здесь следует искать глубинные корни отрыва финансовой сферы от реальной экономики, удивительного на первый взгляд несоответствия между отдачей инвестиций в реальном секторе экономики и процентной ставкой» [Некипелов 2002: 116–117].

«Из изложенной версии деформации российской хозяйственной системы следует, что для её перевода в режим нормального рыночного функционирования *необходимо прежде всего внести коррективы в права собственности, обеспечивающие ориентацию предприятий на максимизацию прибыли в краткосрочном плане и чистой стоимости фирмы – в долгосрочном*. Важной составной частью этой задачи является формирование эффективного механизма управления (включая приватизацию) государственными активами...

Наш анализ свидетельствует, что в результате серьёзных ошибок, допущенных в ходе так называемых радикальных реформ, в России возникла крайне нерациональная хозяйственная система, функционирование которой качественным образом отличается от функционирования нормальной рыночной экономики. В этих условиях надеяться на то, что стандартные для рыночной системы меры экономической политики, снятие сохранившихся ограничений свободы хозяйственной деятельности, а также частные «структурные реформы» способны нормализовать ситуацию, значит заниматься самообманом...

Таким образом, водораздел между двумя основными подходами к экономической стратегии проходит не по линии «сторонники – противники прогресса рыночных реформ». В рамках сформировавшейся хозяйственной системы простое расширение экономической свободы не в состоянии перевести экономику в нормальный рыночный режим функционирования; точно также в этих условиях невозможно добиться действительности государственного регулирования. Единственная разумная альтернатива состоит, на мой взгляд, в том, чтобы, *«реализуя меры по переводу экономики в подлинно рыночный режим функционирования, одновременно вводить в действие отвечающие общественным предпочтениям инструменты пассивной и активной социальной и промышленной политики»* [Некипелов 2002: 118–119].

На мой взгляд, изложенная профессиональными экономистами концепция раскрывает основания феномена финансирования экономики, о котором я скажу ниже, и заслуживает того, чтобы, наконец, быть понятой лицами, принимающими стратегические решения в России. Она может быть положена в основу того перспективного образа институционального строения российской экономики, который кратко представлен в цитированной монографии. Это трёхсекторная структура,

составляющая основу концепции управления национальным имуществом, которую хотел довести до сознания российских властей академик Львов. Чтобы быть услышанным, он концентрировал внимание на необходимости налогового изъятия *природной ренты, которая составляет около половины национального дохода страны*, из карманов владельцев фиктивных капиталов в пользу всего населения. Но власти не захотели его услышать.

Неолибералы, утвердившиеся в экономическом блоке правительства России и поддерживаемые прагматически ориентированными экономистами в созданных правительством центрах, не придавали серьёзного значения дискуссиям и выводам «академиков». Для них было важно иное: не бедствия широких слоёв населения («совки того заслужили»), а практические вопросы-задачи: каким образом осуществить *переход (transit)* России к капитализму?

Инициаторы постсоветских реформ были ещё меньше подготовлены к ответам на эти вопросы, чем прорабы перестройки – на её исторические вопросы. Наиболее подготовленные из них надеялись на теоретические представления, почерпнутые из западных «экономикс»-учебников. Они полностью доверяли рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ) и обязались следовать правилам «вашингтонского консенсуса». Тем более что за их выполнение МВФ выделял правительству России долларовые кредиты (не столь значительные по сравнению с необходимыми, но ощутимые для кошельков отдельных получателей).

Альтернативные рекомендации российских и зарубежных экспертов оставались без внимания, многие вовсе не рассматривались. Как вспоминают ближайшие помощники и советники Б. Н. Ельцина, сразу же после объявления о рыночных реформах, принятых правительством Ельцина по предложениям Е. Т. Гайдара, их катастрофическими последствиями «президента пугали со всех сторон: коммунисты, директора заводов, бывшие друзья из стана демократов, лоббисты военно-промышленного комплекса, руководство силовых структур. Заметно оживилась и группа экономистов-академиков из бывшего окружения Горбачёва... В августе 1992 г. Институт социально-политических исследований Российской академии наук, руководимый Г. Осиповым, подготовил аналитический доклад «О социально-политической ситуации в России по итогам первого полугодия 1992 г.» ... Весь доклад был пронизан политическим и социальным пессимизмом». «Доклад «академиков» был воспринят помощниками президента однозначно критически – как стремление повернуть реформы в замедленное русло». В таком ключе помощники подготовили дайджест доклада для Ельцина [Эпоха... 2011: 219–220].

Среди альтернативных вариантов, предлагавшихся *зарубежными* экспертами, весьма авторитетными были рекомендации группы независимых экспертов, которая включала учёных с мировым именем. Она возникла в марте–апреле 1992 г. по инициативе профессора Мануэля Кастельса (Испания/США), провела интенсивные дискуссии с членами российского правительства (Е. Т. Гайдаром, Г. Э. Бурбулисом, А. Н. Шохиним). В её итоговом докладе, направленном правительству, содержались такие оценки: «Резюмируя всё сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ»; выполнение государством комплекса своих функций «возможно только тогда, если само государство сумеет убедить себя в том, что его главной задачей является сбор налогов и их эффективное использование для обеспечения общественных услуг и осуществления инвестиций, а не примитивное обогащение через владение ненужными активами. В противном случае правительство долго не просуществует» [Отчёт... 2010: 3–18]. От правительства России не последовало ответа, а текст доклада был опубликован почти через 20 лет профессором О. И. Шкаратаном, который прежде, в качестве советника правительства РФ, содействовал работе этой инициативной группы.

Реверсивно-гетерогенный переход (гибридный транзит) к «капитализму для своих», с 1992 г.

Как вскоре выяснилось, фактически постсоветская Россия осуществляла *переход-transit* не к новому для неё типу общества, а к уже существовавшему со второй половины XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу. Это стал *возврат (реверсия) к своему*, но утраченному прошлому, которое воспринималось в упаковке *современных западных* институтов, т. е. возврат имел *гетерогенное* (и «своё», и «чужое») происхождение. Поэтому вернее будет назвать этот *гибридный* процесс *реверсивно-гетерогенным переходом* или *гибридным транзитом*. Напомню, что трансформация – более широкое понятие, нежели транзит; она может иметь несколько разных векторов, а после исчерпания потенциала транзита может нелинейно эволюционировать от одного вектора к другому уже иными способами. Об этом пойдёт речь в следующих разделах статьи. Но прежде уточню своё понимание стадий гибридного транзита.

Фактически постсоветская Россия осуществляла *переход-transit* не к новому для неё типу общества, а к уже существовавшему со второй половины XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу.

Радикальный транзит, 1990-е годы

Первая стадия гибридного транзита, последовавшая за перестройкой, была реализована по-большевистски радикально: как безжалостная вседозволенность новых властных элит по отношению к населению «этой страны». Её основу составила революционно-хаотичная приватизация, результатом которой стал «бандитский капитализм» (термин, используемый не только российскими, но и западными экспертами).

Эйфория внезапной победы радикальных реформаторов над про-рабами перестройки вселяла в них уверенность, что капиталистическую рыночную экономику можно построить в постсоветской России «с нуля», импортировав институты западных стран, прежде всего США. Правовое обеспечение рыночных реформ виделось прежде всего в том, чтобы принять законы, которые легализуют создание институтов, соответствующих западным. В коллективном докладе руководства ГУ ВШЭ, который открывал её апрельскую конференцию 2005 г., с полным знанием дела отмечено: «Создание стимулов и механизмов конкуренции было одной из главных целей реформ во всех странах с переходной экономикой. Для российских реформаторов и их западных советников в начале 1990-х гг. был характерен расчёт на то, что конкуренция будет привнесена вместе с внедрением рыночных механизмов и демократических институтов. При этом ставка была сделана на политику импорта институтов с ориентацией на «лучшие образцы», характерные для наиболее развитых стран. Однако на практике мы столкнулись с серьёзными проблемами приживаемости таких институтов. Поскольку реформы в подавляющем числе случаев сводились к принятию пакета нормативных актов, соответствующие практики экономических акторов не изучались и не корректировались. Реформы шли (и до сих пор идут) «от закона до закона», не обращая внимания на то, что происходит их систематическое игнорирование либо оппортунистическое использование экономическими акторами...» [Кузьминов и др. 2005: 11, 60, 61].

Негативные результаты этих действий хорошо известны. Интересующихся могу адресовать к книге академика Н. Я. Петракова «Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней» [Петраков 1998]. Возникшее вопиющее материально-экономическое неравенство аргументированно обобщил в одной из недавних публикаций ординарный профессор НИУ ВШЭ О. И. Шкаратан [Шкаратан 2018].

Доведя в 1998 г. экономику страны до дефолта, неолибералы сменили стратегию радикального гибридного транзита на тактику эволюционной его модернизации или рационализации.

Модернизация гибридного транзита, с 1999 г.

Вторая стадия реверсивно-гетерогенного транзита началась после кризисного дефолта и стала эволюционной модернизацией гибридного транзита. Она стабилизировала хаотические результаты первой стадии и продолжает *рационализировать* их, адаптируя институты развитых стран Запада к российским условиям.

Напомню понимание М. Вебером содержания **рациональности** как предпосылки самовозникавшего капитализма и создававшегося им общества, его нового качества – **модерна**: «Самой общей предпосылкой этого новейшего капитализма является рациональный расчёт капитала как норма для всех крупных промышленных предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей. Дальнейшими предпосылками являются: 1) *Присвоение автономными частными промышленными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства* (землю, приборы, машины, орудия и т. п.). 2) *Вольный рынок*, т. е. свобода рынка от нерациональных стеснений обмена. 3) *Рациональная*, т. е. строго рассчитанная и поэтому механизированная *техника* как производства, так и обмена, причём не только в области издержек выработки, но и в области обращения благ. 4) *Рациональное*, т. е. твёрдо установленное право. 5) *Свободный труд*, т. е. наличность таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому. 6) Коммерческая организация хозяйства, под которой здесь разумеется широкое применение ценных бумаг для установления прав участия в предприятиях и прав на имущество, словом: возможность исключительной ориентировки при покрытии потребностей на рыночный спрос и доходность предприятия» [Вебер 2001: 255–256].

Следует подчеркнуть, что Вебер дал характеристику **честной частной рационализации**, которая в принципе может согласовываться с интересами общества, основанного на капиталистической экономике. Об этом свидетельствует и его акцент на роли протестантской этики в возникновении капитализма. Но возможна и **иная рационализация – приватная**, абсолютизирующая личные интересы, достигаемые любой ценой, в том числе антиобщественными, криминальными способами, т. е. **лукавая**.

Возникает вопрос: *какой характер приобрела рационализация гибридного транзита на второй его стадии? В какой мере она была честной частной и в какой – лукавой приватной?*

В настоящей статье нет возможности обстоятельно ответить на этот вопрос. Но можно предположить, что ответ будет не однозначным: «или – или», а тоже гибридным: «и то, и другое».

О содержании российской модернизации-рационализации гибридного транзита можно судить по упомянутым ежегодным, «апрельским» конференциям ГУ(НИУ) ВШЭ, которые проводятся под председательством профессора Е. Г. Ясина с рубежного 2000-го года. Напомню: в этом году были опубликованы правовой и экономический «манифесты» учёных РАН, регулярно публиковались материалы симпозиумов «Куда идёт Россия?..». Можно было ожидать, что позиции «академиков» будут предметом обсуждений на конференциях ГУ ВШЭ. Но этого не произошло. Представленные выше позиции почти не упоминались, а их аргументация не рассматривалась на конференциях. Редко встречался там и термин «трансформация», но широко использовался термин «модернизация». Внимание сосредоточивалось на прагматичных способах повышения эффективности рыночных институтов, предлагаемых правительством и легализуемых Федеральным собранием и президентом страны. С 2003 г., когда закончились симпозиумы «Куда идёт Россия?..», несколько конференций ГУ ВШЭ были посвящены теме «Модернизация экономики России». Основным конструктивным направлением развития модернизации стала идея **выращивания институтов рыночной экономики**. Она предполагала два способа направленных изменений: «облагораживание существующих институциональных образцов» и «культивирование новых образцов» [Кузьминов и др. 2005: 60, 61].

Вместе с тем тематика конференций логично расширялась. Основной темой 8-й конференции (2007 г.) стала «Модернизация экономики и общественное развитие». Наряду с экономистами, в ней более активно участвовали социологи и специалисты других областей социальных наук. Её материалы опубликованы в трёх книгах. Конференцию открыл большой доклад Е. Г. Ясина «Модернизация и общество», который был роздан участникам и представлен автором в кратком устном сообщении. В контексте эволюции пяти цивилизаций он охарактеризовал 7 условий перехода к инновационной экономике, а также институциональные изменения, необходимые для их создания, и пришёл к выводу: по многим объективным условиям Россия среди стран БРИКС более всех готова начать переход к инновационной экономике, но этому препятствуют консервативные ценности и ухудшающееся состояние демократизации институтов [Ясин 2007: 9–99, 160–174].

В 2011 г., в связи с участием в подготовке государственной «Стратегии 2020», Е. Г. Ясин предварительно опубликовал свою независимую позицию в небольшой книге о сце-

нариях развития России на долгосрочную перспективу. Её открывал лаконичный раздел «Основные развилки развития России». Вот основные его положения:

«... Только со времён перестройки пройдено три развилки исключительной важности...

1. *Демократизация или империя*: выбор сделан М. С. Горбачёвым, в итоге распался СССР;

2. *Централизованное планирование или рыночная экономика*: выбор сделан Б. Н. Ельциным, и в итоге либеральных реформ мы имеем рыночную экономику. Не такую эффективную, как хотелось бы, но работающую;

3. *Бюрократия или олигархия*: выбор сделан В. В. Путиным... В результате победила бюрократия...

А все мы стоим перед четвёртой развилкой: *модернизация сверху (авторитарная) или снизу (демократическая)*.

Окончательный выбор ещё не сделан» [Ясин 2011: 5].

Далее автор, используя игровые модели процесса формирования культуры как совокупности социальных норм, приведённые профессором Принстонского университета (США) Э. Маскиным на симпозиуме ГУ ВШЭ (2010 г.), сформировал три сценария, которые он оценивает не как прогнозы, а как размышления о возможных будущих процессах и событиях на перспективу 2010–50 гг.

1. *Инерционный сценарий*, или модернизация сверху, без заметных институциональных изменений. Реализуется после кризиса 2008–09 гг. «Этот сценарий означает, что серьёзная модернизация не получится».

2. «С какого-то момента, например, с 2018 г., в силу того или иного стечения обстоятельств движение по инерции переходит на траекторию *модернизации снизу с постепенным развитием*». Происходят преобразования, в том числе входящие в пакет либеральной демократии... Происходит также масштабная приватизация, и в итоге доля госсектора сокращается с 50 до 15–20%». Переход растягивается на 4–5 лет.

3. *Пессимистический* сценарий допускает неблагоприятные события: снижение цен на нефть, отток капиталов и др. [Ясин 2011: 39–44].

В «Заключении» автор так фиксировал свою позицию: «... Два обрисованных альтернативных сценария («модернизация сверху» и «модернизация снизу – постепенное развитие») являются, на мой взгляд, наилучшей основой для выбора политики... В действительности вероятнее всего развитие пойдёт между этими альтернативными сценариями... Моё глубокое убеждение – сценарий постепенной модернизации с отложенной демократизацией близок к оптимальному с точки зрения национальных интересов» [Ясин 2011: 45–46].

На мой взгляд, это – реалистично смягчённые варианты *продолжения модернизации гибридного транзита*, как они виделись в условиях до 2012 г. Фактически же в настоящее время не реализуется сценарий 1, поскольку отсутствует модернизация сверху и возникли неблагоприятные условия, толкающие к сценарию 3. Вместе с тем исподволь реализуется сценарий 2 – происходит замедленная модернизация снизу, но в ином варианте: модернизация мотивируется потребностями бизнеса на уровне фирм, предприятий, но без демократизации, т. е. при ограничениях возможностей бизнеса удовлетворять свои потребности в увеличении прибыли, а наёмных работников – в повышении оплаты труда. В таких модификациях продолжается гибридный транзит.

Однако всё больше экспертов признают негативные социальные последствия такого транзита и истощение его конструктивного потенциала. Среди населения сохраняется высокий уровень недоверия институтам власти, а среди экспертов активизируются дискурсы о вопиющем материальном неравенстве населения, о невыполнении даваемых сверху обещаний, о сохранении традиционной болезненности для России проблемы социальной справедливости [Данилова 2018] – это *сигналы* о синергийной сложности существующих проблем, прежде всего о продолжающейся *вседозволенности* отношений властных элит (в государстве и бизнесе) к рядовым гражданам страны, и о необходимости поиска более адекватных российским условиям способов их решения, чтобы не повторить судьбу перестройки СССР.

Истощение потенциала гибридного транзита, потребность в модернизации, отвечающей условиям России

Прошло более четверти века с начала гибридного, экзогенно-реверсивного транзита России к капитализму, который в «лихие 90-е годы» называли «бандитским», а после его модернизации стали именовать «капитализмом для своих», точнее – паразитарным капитализмом. Существуют как минимум три группы факторов, которые свидетельствуют, что к настоящему времени в основном истощен потенциал гибридного транзита.

Во-первых, сформировалась группа проблем, приоритетный характер которых не меняется более 10 лет. Среди них на первом месте находится необходимость создавать новые рабочие места, прежде всего высокой квалификации. Синергийно комплексный характер приобрела проблема социально-экономического неравенства, которая неуклонно обостряется. Очевиден вывод: **актуальные проблемы не решаются, а вос-**

Существуют как минимум три группы факторов, которые свидетельствуют, что к настоящему времени в основном истощен потенциал гибридного транзита.

производятся. Такой вывод подтверждается повторением одних и тех же проблем, которые звучат в вопросах во время ежегодных телевизионных общений президента с населением. Это свидетельствует о социально-экономическом тупике гибридного транзита.

Во-вторых, возникли новые, не менее опасные проблемы. Важнейшей из них, на мой взгляд, является так называемая «финансиализации экономики», которая обозначает тот факт, что предпринимательская деятельность многих сверхбогатых людей приобрела преимущественно спекулятивно-финансовый характер. Влияя на динамику мировых валют, сверхбогатые «граждане мира» используют это своё влияние на быстрое получение сверхдоходов за счёт меняющейся разницы курсов валют в заранее известном им направлении; изобретаются и используются и другие финансовые инструменты спекулятивного обогащения, так называемые деривативы. Как пояснил американский специалист по финансиализации, «покупка и продажа финансовых активов и обязательств по большей части предназначена для спекуляций» [Эпштейн 2017: 156]. Практика финансиализации воплощает новый глобальный феномен: глобальные финансовые элиты полностью пренебрегают культурными, нравственными нормами всего человечества. В России в условиях радикального транзита и последовавшей его модернизации также возникли несколько десятков банковских и иных финансово-корпоративных магнатов, которые тесно срослись с бюрократией высоких уровней и извлекают сверхдоходы не только из ренты от добычи природных ресурсов, но и за счёт «свободного плавания» рубля по отношению к доллару. По подсчётам академика С. Ю. Глазьева, «когда рубль в 2014 г. обвалился до 80 рублей за доллар, спекулянты на этом получили до 40 миллиардов долларов прибыли на курсовых колебаниях»; речь идёт о действиях не только российских, но и международных спекулянтов, получающих информацию от своих российских партнёров [Глазьев 2018: 8]. Выше были изложены позиции экономистов, характеризующие основы пагубной финансиализации в России.

В-третьих, на современном этапе глобального развития перед Россией возникли *новые большие вызовы*. Президент В. В. Путин неоднократно сформулировал их в документах стратегического характера.¹ Но пока видны предпосылки для достойного ответа на эти вызовы лишь в оборонно-технической сфере, не в социально-экономической и не в области человеческого потенциала и качества жизни населения.

¹ См.: Указы Президента Российской Федерации: от 31 декабря 2015 г. «Стратегия национальной безопасности»; от 1 декабря 2016 г. «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и др.

Словом, существует потребность в переходе от гибридного транзита к собственно антропосоциокультурной трансформации, адекватной условиям России.¹ Это должна быть эволюция не назад, а вперёд, причём не гетерогенная, а гомогенная, прежде всего эндогенно российская, не исключающая приемлемого зарубежного опыта. Напомню вывод Т. И. Заславской по итогам симпозиума «Куда идёт Россия?..»: «Есть только одно средство – осуществить *новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ*... Речь идёт о социально-демократических реформах». Этот вывод был подтверждён в совместном докладе Т. И. Заславской и В. А. Ядова «Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений» на юбилейном пленарном заседании Всероссийского социологического конгресса (2008 г.). Авторы полагали, что современные трансформационные процессы протекают в трёхмерном социетальном пространстве, оси которого взаимосвязаны и образуют социальный механизм этого пространства.

«Закончилась ли трансформация российского общества?» – с таким вопросом обратился к аудитории В. А. Ядов, который устно представил совместный доклад. И ответил: «Официальная точка зрения – социетальная трансформация российского общества завершена. Я же полагаю, хотя либерально-демократическое реформирование институциональной системы России приостановлено, социетальную трансформацию общества ещё рано считать завершённой. Дело в том, что общественная потребность в дальнейшей либерализации и демократизации базовых институтов российского общества сегодня не менее остра, чем в конце 1980-х гг., и спонтанное возникновение и развитие новых социальных практик продолжается». В заключение докладчик сказал: «Сложившаяся к настоящему времени социально-групповая структура российского общества характеризуется вопиющим разрывом между зажиточными и бедствующими слоями граждан. Она не легитимна в глазах населения и не обеспечивает ни эффективной реализации, ни достаточно быстрого роста человеческого потенциала страны. Между тем положение стран в современном мире во многом определяется именно этой важнейшей характеристикой. Повышение человеческого потенциала и его эффективное использование как были, так и остаются главным модернизационным шансом России» [Заславская, Ядов 2010: 104–106].

Я считаю, что совместная позиция мэтров отечественной социологии, которые специально изучали проблему постсоветской трансформации России, была и остаётся обоснованной.

¹ Обоснование такой потребности требует дополнительных исследований, которые автор намерен осуществить в рамках гранта РФФИ, названного в начале статьи. Желательно – и в более широком круге моно- и трансдисциплинарных исследований.

Для использования «модернизационного шанса России» ныне требуется полнее выявить эндогенный её потенциал как государства, общества, цивилизации. Эффективное решение этой сложной задачи, способное справиться с застарелыми проблемами и дать достойные ответы на новые большие вызовы, возможно, если начать реальный переход к антропосоциокультурной трансформации, а началу этого перехода придать характер «модернизации для всех», обеспечивая становление *институтов рефлексивного саморазвития*. Это более сложный процесс, чем гибридный транзит к «капитализму для своих», но уклонение от начала его осуществления обостряет риски, опасные для существования России. Пока страна не начнёт осуществлять этот процесс, она не сможет достойно отвечать на большие вызовы и ей будет угрожать новый самораспад, не менее катастрофный, чем распад СССР. Отмеченные выше группы застарелых проблем и риски новых больших вызовов можно рассматривать как зреющие предпосылки неприемлемого исхода.

«Модернизация для всех», или гуманистическая модернизация» – требуемый переход к антропосоциокультурной трансформации

Из сказанного выше можно заключить, что перестройка стала подготовительной фазой, а постсоветский гибридный транзит к «капитализму для своих» – промежуточной фазой квази-перехода к **новой эпохе** в истории России как государства, общества, цивилизации. Собственно, содержание новой эпохи я понимаю как *антропосоциокультурную трансформацию* (АСК-трансформацию), адекватную условиям самой России.

В понимании общего, идеально-типического её содержания я исхожу из концепта молодого Маркса о *реальном гуманизме*, но в современной его интерпретации – не как только пролетарского идеала, сформулированного К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», а как *общедемократического* мировоззренческого идеала и ценностной позиции, основу которой составляет триединство фундаментальных ценностей: жизни человека, его свободы, достоинства и ненасилия в отношениях с другими людьми. Общество, цивилизация **РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА** позволят каждому индивиду саморазвиваться как **целостному** человеку в единстве его природных, культурных и социальных качеств, минимизируя самоотчуждение и отчуждение.

Для использования «модернизационного шанса России» ныне требуется полнее выявить эндогенный потенциал трансформации как государства, общества, цивилизации.

Содержание новой эпохи я понимаю как антропосоциокультурную трансформацию, адекватную условиям самой России.

Речь о реальном гуманизме молодого Маркса, но в современной его интерпретации – как общедемократического мировоззренческого идеала и ценностной позиции, основу которой составляет триединство фундаментальных ценностей: жизни человека, его свободы, достоинства и ненасилия в отношениях с другими людьми.

Движение к такому идеалу целесообразно как эволюционный, в основном спонтанно саморазвивающийся процесс. Но он может иметь стадии, которые характеризуются оформленными структурами. Такие структуры можно рассматривать как сознательно формируемые стратегические цели, для достижения которых совершается трансформация на данной её стадии. *Стратегическая цель* становится консолидирующим фактором, значимым для успешности трансформации.

Переходом к гуманистической трансформации современного российского общества, реальным её началом должна стать **«модернизация для всех»**, или **гуманистическая модернизация**, потребность в которой обоснована выше выводами гуманистически ориентированных социологов, экономистов, правоведов. Важными аргументами для меня служат также результаты теоретических и эмпирических исследований социокультурных процессов в постсоветской России и её регионах, которые я вместе с коллегами веду с 1990 г. Пространственно и эпистемологически значимая систематизация этих результатов представлена в «Атласе модернизации России и её регионов» [Атлас... 2016]. Этот теоретический выбор одновременно является и *ценностным выбором*, о необходимости которого я сказал в первом разделе статьи. Предпочитаю именно такой выбор, потому что он в интересах **всего населения** России (как и других стран), а не того или иного узкого слоя, т. е. выбор, традиционный для русской, российской социологии, можно сказать, для всей мировой социологии.

Предварительно можно предложить ориентиры, очерчивающие *диапазон желаемых изменений* в рамках «модернизации для всех» (конечно, потребуется их конкретизация). Общий ориентир: существенное изменение жизни к лучшему для **всего населения** России. При этом исключается ухудшение для всех его категорий (по доходам), кроме высшей части (2–3%) верхнего дециля, от которой ожидается компромиссное понимание в обмен на повышение легитимности статуса этой сверхбогатой части населения в общественном сознании. В то же время обеспечивается максимальное стимулирование потенциальных участников инновационных процессов (бизнесменов, специалистов, квалифицированных работников, госслужащих), создание сети курсов инновационной переподготовки (бесплатных и платных) для всех желающих.

Не вторгаясь в область политических структур и процессов, я вижу содержание «модернизации для всех» прежде всего в создании эффективной системы управления национальным имуществом, экономическое обоснование которой приведено выше. Необходимы также институты рефлексивного саморазвития, которые станут центрами переосмысления гибридного транзита и эволюционного формирования адекват-

Переходом к гуманистической трансформации современного российского общества, реальным её началом должна стать «модернизация для всех», или гуманистическая модернизация.

ных российским условиям институтов, реализующих охарактеризованные выше ориентиры. Одним из таких институтов должна стать давно декларированная, но не реализованная *национальная инновационная система* (НИС). Для успешной реализации она должна стать рефлексивно-многоуровневой, начиная с первичных *региональных инновационных систем* (РИС), которые обеспечат эволюционно-инновационное саморазвитие регионов, учитывающее особенности каждого региона и рефлексивно регулируемое «сверху» и «снизу» (государством и гражданским обществом). Не менее важна легитимация института частного венчурного предпринимательства, прежде всего венчурных фондов и малых венчурных фирм.

Одновременно следует использовать возможности повышения рефлексивности активной части *гражданского общества* путём дальнейшей его интеллектуализации. Я имею в виду не только повышение уровня и качества образования, но также формирование и активное функционирование *дискурс-сообществ профессионалов* – специалистов в области социальных и гуманитарных наук. Выше я ссылался на результаты их экспертной деятельности (подробнее см.: [Лапин 2018b]). Необходима достаточно широкая их сеть, обеспечивающая необходимые уровни рефлексии процессов новой модернизации, используя методологию критического гуманизма. И, конечно, необходимо ответственное, нормативно регулируемое взаимодействие органов власти со структурами этой сети – не выборочное (только со «своими»), а многостороннее.

Ключевой становится задача модернизации отношений властных элит (не только политических, но и экономических) с населением, повышения уровня этих отношений до современно цивилизованного. Это значит: предстоит преодолеть азиатские нормы вседозволенности, укоренённые среди некоторых слоёв госслужащих и акторов бизнеса в их отношении к рядовым гражданам, а работодателей – к наёмным работникам (а также в семейных и иных бытовых отношениях), как это уже осуществлено за последние 100 лет в развитых странах (скандинавских и других). Это создаст предпосылки и для того, чтобы преодолеть пассивное подчинение вседозволенности властных «элит», сохраняющееся среди значительных слоёв населения. На это должны переориентировать свою деятельность СМИ.

Содержанию «модернизации для всех» будет адекватно сильное **социальное государство**. Его следует оценивать не просто как фиксированное в одной (7-й) статье Конституции Российской Федерации, а как выражающее один из важнейших *конституционных принципов*, который незаслуженно, возможно, намеренно забыт. На обществоведах

Ключевой становится задача модернизации отношений властных элит (не только политических, но и экономических) с населением, повышения уровня этих отношений до современно цивилизованного.

лежит определённая доля ответственности за это. До сих пор отсутствуют междисциплинарные исследования комплекса условий и предпосылок формирования социального государства в России. Проведение таких исследований, включая выявление предпочтений различных слоёв населения – одна из первоочередных задач институтов Отделения общественных наук РАН. В числе мало изученных направлений таких исследований можно назвать модернизацию экономики на основе принципов социально-ориентированного рыночного хозяйства; модернизацию взаимодействий между разными социально-экономическими укладами путём ежегодных договоров о партнёрстве, ориентированном на национальные интересы; смешанно-партнёрскую рыночную экономику и базовые ценности цивилизации реального гуманизма как предпосылки формирования социального государства. Результаты междисциплинарных исследований должны стать научной основой **федеральной целевой программы** «Становление сильного социального государства в Российской Федерации». Формирование такого государства можно рассматривать как стратегическую цель первой стадии антропосоциокультурной, гуманистической модернизации.

Одной из стадий или стратегических целей эволюции к реальному гуманизму может стать состояние **цивилизма**, идею которого, кратко охарактеризованную выше, предложил академик В. С. Нерсисянц. Недавно справедливо напомнила о ней доктор юридических наук В. В. Лапаева [Лапаева 2018]. Обоснованием этой идеи служат не только изложенные выше, но и многие иные предпосылки, которые трудно перечислить в статье.

Конечно, сегодня идея цивилизма требует новой интерпретации, учитывающей постсоветский опыт России и постсоциалистический опыт всех стран прежнего «второго мира» (он не исчез, а существует именно как постсоциалистический мир, отчасти ещё и как социалистический). А также и посткапиталистический опыт наиболее развитых стран мира. Предварительно изложу свои интерпретации идеи В. С. Нерсисянца.

Цивилизм – это такое состояние сообщества граждан, при котором они являются равноправными собственниками национального имущества и консолидированы в гражданское общество, саморазвивающееся путём конвергенции посткапитализма и постсоциализма; основную его проблему составляет создание реально контролируемой гражданами системы управления использованием национального имущества. Латинский корень термина *цивилизм* – *civilis*, что в наше время может означать одновременно и гражданин, и гражданское общество, и цивилизация. Эта интерпретация соответствует пред-

Цивилизм – это такое состояние сообщества граждан, при котором они являются равноправными собственниками национального имущества и консолидированы в гражданское общество, саморазвивающееся путём конвергенции посткапитализма и постсоциализма.

лагаемой «модернизации для всех», которую в такой интерпретации можно назвать «*цивилистской модернизацией*». Её содержание относится не только к России, но и к другим странам любой цивилизации. Но также требуются дальнейшие исследования научных оснований цивилизма и способов движения в этом направлении.

В целом в социально-гуманитарных науках возрастает роль не только междисциплинарных, но и трансдисциплинарных исследований. Этому способствует новая, консолидирующая ситуация в наших науках, которая возникает отчасти благодаря препятствиям, создаваемым государством. Уходят в прошлое расколы в российской социологии. Повышается роль крупных и потому научно более независимых исследовательских центров, таких как Федеральный центр социологических исследований, возникший на базе Института социологии РАН, значимый юбилей которого мы все отметили. При этом должны сохраниться небольшие исследовательские структуры в различных НИИ и университетах как источник разнообразия и высокой новизны проблематики и результатов исследований.

Библиографический список

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 357 с.

Вебер М. 2001. Происхождение современного капитализма. Глава 4 // История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц. 576 с.

Горшков М., Петухов В. 2005. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / Сост. В. В. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 375.

Гребенников В. Г. 2002. Концептуальные основы стратегии развития отношений собственности в России // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 702 с.

Грушин Б. А. 1991. Смена цивилизаций? // Свободная мысль. № 18. С. 27–36.

Гуманистические ориентиры России / Под. ред. Абалкина Л. А. и др. М.: Институт экономики РАН, 2002. 391 с.

Данилова Е. Н. 2018. Трансформация социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. Социология. Этнология. № 2. С. 36–61).

Заславская Т. И. 1994. Открытие симпозиума // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г. М.: Интерпракс. С. 3–8.

Заславская Т. И. 2002. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело. 568 с.

Заславская Т. И. 2003. К десятилетию международного симпозиума «Куда идет Россия?..» // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 12–15.

Заславская Т. И., Ядов В. А. 2010. Социальные трансформации России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Всероссийский социологический конгресс. 21–24 октября 2008 г. Материалы пленарного заседания. М.: Вече. С. 91–107.

Кузьминов Я. И., Радаев В. В. и др. 2005. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / Отв. ред. В. Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ. Кн. 1. С. 7–64.

Лапаева В. В. 2018. Социология права в России: после-сталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды // Социологические исследования. № 3. С. 98–112.

Лاپин Н. И. 2018а. Антропологический эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. № 3. С. 3–12.

Лاپин Н. И. 2016. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. № 5. С. 23–34.

Лاپин Н. И. 2018b. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением // Экономические и социальные перемены. № 4. С. 77–89.

Лاپин Н. И. 2000. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН. 194 с.

Лاپин Н. И. 2015. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. № 6. С. 3–17.

Левада Ю. А. 2006. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство. 383 с.

Львов Д. С. 2002. Концепция управления национальным имуществом. (Научный доклад на заседании Президиума Российской академии наук 12 февраля 2002 г.). М.: ИНЭС. 34 с.

Львов Д. С. 2000. Экономический манифест: будущее российской экономики. М.: Экономика. 79 с.

Львов Д. С., Поршнев А. Г. (рук.). 2002. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 702 с.

Мамардашвили М. К. 1990. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 368 с.

Некипелов А. Д. 2005. Легко ли поймать черную кошку в темной комнате, даже если она там есть? // Размышления о недавнем прошлом. Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / Сост. В. В. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 176–187.

Некипелов А. Д. 2002. От аномальной экономики к эффективному рыночному хозяйству // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 704 с.

Нерсисянц В. С. 2000. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма. 64 с.

Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России / Ф. Э. Кардозу, М. Карной. М. Кастельс, С. С. Коэн, А. Турен // Мир России. 2010. № 2. С. 3–18.

Петраков Н. Я. 1998. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика. 286 с.

Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14–16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А. В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. 624 с.

Сергей Глазьев о бенефициарах проводимой экономической политики // Аргументы недели. 2018. № 35. 6 сент. С. 8.

Шкаратан О. И. 2018. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. № 2.

Эпоха Ельцина. Очерки политической истории / Колл. авт. Изд. 2-е. М.: Вагриус, 2011. 815 с.

Эпштейн Дж. 2017. Финансиализация превратила глобальную экономику в карточный домик // Мир перемен. № 3. С. 156–169.

Ядов В. А. 2006. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис. 108 с.

Ясин Е. Г. 2007. Модернизация и общество; Модернизация необходима. Готово ли общество? // Модернизация экономики и общественное развитие / Под. ред. Ясина Е. Г. Материалы VIII Международной научной конференции. В трех книгах. Книга 1. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. С. 9–98.

Ясин Е. Г. 2011. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Фонд «Либеральная миссия». 48 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542

Hybrid Transition and a Demand for “Modernization for All”

Lapin Nikolay Ivanovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Main Researcher, Head of the Centre, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: lapini31@mail.ru

Abstract: This article showcases the author’s participation in a discussion on the content, results and prospects of Russian society’s post-Soviet transformation. The author provides a preliminary report on the results of studies conducted from an anthropological socio-cultural evolutionism and critical humanism standpoint. He offers the following conclusions: 1) the Perestroika and the self-destruction of the USSR made way for a new era for Russia. However, the new commanding elites imposed onto the population a reverse-heterogeneous approach (hybrid transition) aimed towards “capitalism for their own”, which led to an appalling contrast between rich and poor groups of the population, while preventing society from developing, and to some extent even putting the country’s very existence at risk: the same problems continue to emerge over and over again without being resolved, and that’s not to mention an onset of new and highly critical issues, as well as certain risky challenges faced by for our civilization. 2) The author reckons that the constructive potential of a hybrid transition is for the most part exhausted. There is an ever growing demand for “modernization for all”, or a humanistic modernization. The author utilizes results gathered by Russian scientists who he knows of, as well as his own results. Based on them, he offers informative guidelines which outline the scope of desired positive changes in the lives of the population, while substantiating the relevance of such a concept as “real humanism”, the feasibility of the special federal program “Establishing the Russian Federation as a strong social state”, as well as a new interpretation of the notion of “civilism”, coming forth as a result of converging post-capitalism and post-socialism. That while describing institutions of reflexive self-development, which have the potential to eliminate lawlessness in terms of how the elite treat the population, by means of implementing civilized norms such as equality of opportunity for all, national assets and private property, social state, socially orientated market economy, social justice, real humanism. In order to develop science-based approaches towards resolving multitudes of new problems, it is essential to conduct not only interdisciplinary, but also transdisciplinary studies with participation by sociologists, economists, legal experts, political analysts, psychologists, and experts fields such as philosophy, history, synergetics and system research.

Keywords: critical humanism, anthroposociocultural transformation, reversible-heterogeneous transition (hybrid transition), «crony capitalism»; «modernization for all», social state, real humanism.

References

Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioeconomicheskie i sotsiokul’turnye tendentsii i problem [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves’ mir, 2016. 357 p. (in Russ.).

Danilova E. N. Transformatsiya sotsial’noy politiki i diskursa sotsial’noy spravedlivosti v Rossii [Transformations in the Welfare Regime and Discourse on Social Justice in Russia]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, 2018, no 2, pp. 36–61 (in Russ.).

Epoha El'tsina. Ocherki politicheskoy istorii [The era of Yeltsin. Political history essays]. Second edition. Moscow, Vagrius, 2011. 815 p. (in Russ.).

Epshtein G. Finansializatsiya prevratila global'nuyu ekonomiku v kartochny domik [Financialization has turned the global economy into a house of cards]. Mir peremen, 2017, no 3, pp. 156–169 (in Russ.).

Gorshkov M. K., Petuhov V. V. Perestroyka glazami rossiyan: 20 let spustia [Reconstruction through the eyes of Russians: 20 years later]. Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat' let spustia (kriticheskiy analiz). Moscow, Al'pina Business Books, 2005. 375 p. (in Russ.).

Grebennikov V. G. Kontseptual'nye osnovy strategii razvitiya otnosheniy sobstvennosti v Rossii [Conceptual basis of the development strategy of property relations in Russia]. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossii: kontseptsii, tseli, mehanizmy. Moscow, Ekonomika, 2002. 702 p. (in Russ.).

Grushin B. A. Smena tsivilizatsiy? [Is it the change of civilizations?]. Svobodnaya mysl'. 1991, no 18, pp. 27–36 (in Russ.).

Gumanisticheskie orientiry Rossii [Humanistic orientations of Russia]. Ed. by L. A. Abalkin. Moscow, IE RAS publ., 2002. 391 p. (in Russ.).

Kuz'minov Y. I., Radaev V. V. and oth. Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu. Opyt rossiyskikh reform i vozmozhnosti kul'tivirovaniya institutsional'nykh izmeneniy [Institutions: from borrowing to growing. The experience of Russian reforms and the possibility of cultivating institutional changes]. Modernizatsiya ekonomiki i vyrashchivanie institutov. 2 vols. Ed. by E. G. Yasin. Moscow, SU HSE publ., 2005, vol. 1, pp. 7–64 (in Russ.).

Lapaeva V. V. Sotsiologiya prava v Rossii: poslestalinskiy, perestroicheskyy i postsotsialisticheskyy periody [Sociology of law in Russia: post-stalin, perestroika and post-socialist periods]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018, no 3, pp. 98–112 (in Russ.).

Lapin N. I. Antropologicheskii evoliutsionizm – metateoreticheskiy printsip izucheniya soobshchestv liudey [Anthroposociocultural evolutionism – a metatheoretical principle of studying human communities]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018, no 3, pp. 3–12 (in Russ.).

Lapin N. I. Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii [Fundamental values of civilization choice in the XXI century]. Chast' 2. Aksiologicheskie predposylki tsivilizatsionnogo vybora Rossii // Voprosy filosofii, 2015, no 6, pp. 3–17 (in Russ.).

Lapin N. I. Gumanisticheskiy vybor naseleniya Rossii i tsentry vnimaniya rossiyskoy sotsiologii [The humanistic choice of the Russian population and the centers of attention of Russian sociology]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2016, no 5, pp. 23–34 (in Russ.).

Lapin N. I. O poiske sposobov sushchestvennykh peremen zhizni k luchshemu: diskursy professionalov i algoritm izucheniya sposobov, predpochitaemykh naseleniem [Finding ways to substantial life changes for the better: professional discourses and algorithm to study ways preferred by the population]. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 2018, no 4, pp. 77–89 (in Russ.).

Lapin N. I. Puti Rossii: sotsiokul'turnye transformatsii [Ways of Russia: socio-cultural transformations]. Moscow, IPH RAS, 2000. 194 p. (in Russ.).

Levada Y. A. Ishchem cheloveka. Sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005 [We Search a Human. Sociological Issues 2000–2005]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006. 383 p. (in Russ.).

L'vov D. S. Ekonomicheskiy manifest: budushchee rossiyskoy ekonomiki [Economic manifesto: the future of the Russian economy]. Moscow, Ekonomika, 2000. 79 p. (in Russ.).

L'vov D. S. Kontseptsiya upravleniya natsional'nym imushchestvom [National Property Management Concept]. Moscow, INES, 2002. 34 p. (in Russ.).

L'vov D. S., Porshnev A. G. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossii: kontseptsii, tseli, mehanizmy [Management of social and economic development of Russia: concepts, goals, mechanisms.]. Moscow, Ekonomika, 2002. 704 p. (in Russ.).

Mamardashvili M. K. Soznanie i tsivilizatsiya [Consciousness and civilization]. M. K. Mamardashvili: Kak ya ponimayu filosofiyyu. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russ.).

Nekipelov A. D. Legko li poymat' chernuyu koshku v temnoy komnate, dazhe esli ona tam est'? [Is it easy to catch a black cat in a dark room, even if it is there?]. Razmyshleniya o nedavnem proshlom. Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat' let spustia (kriticheskiy analiz). Moscow, Al'pina Business Books, 2005, pp. 176–187 (in Russ.).

Nekipelov A. D. Ot anomal'noy ekonomiki k effektivnomu rynochnomu hoziaystvu [From abnormal economy to efficient market economy]. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi razvitiem Rossii: kontseptsii, tseli, mekhanizmy. Moscow, Ekonomika, 2002. 702 p. (in Russ.).

Nersesians V. S. Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o tsivilizme [The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice. The manifesto of civilism]. Moscow, Norma, 2000. 64 p. (in Russ.).

Otchiot rossiyskomu pravitel'stvu ot mezhdunarodnoy gruppy sovetnikov po sotsial'nyim i politicheskim problemam ekonomicheskikh reform i strukturnykh preobrazovaniy v Rossii [Report to the Russian government from international group of advisers on social and political issues of economic and structural reforms in Russia]. Mir Rossii, 2010, no 2, pp. 3–18. (in Russ.).

Petrakov N. Y. Russkaya ruletka. Ekonomicheskii experiment tsenoyu 150 millionov zhizney [Russian roulette. Economic experiment at the cost of 150 million lives]. Moscow, Ekonomika, 1998. 286 p. (in Russ.).

Revoliutsiya, evoliutsiya i dialog kul'tur [Revolution, evolution and dialogue of cultures]. Doklady k 100-letiyu russkoy revoliutsii na Vsemirnom dne filosofii v Institute filosofii RAN 14–16th november 2017. Ed. by A. V. Cherniaev. Moscow, Gnosis, 2018. 624 p. (in Russ.).

Sergey Glaz'ev o benefitsiarakh provodimoy ekonomicheskoy politiki [Sergey Glazyev about the beneficiaries of the economic policy]. Argumenty nedeli, 2018, no 35, p. 8 (in Russ.).

Shkaratan O. I. Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire i stanovlenie novykh form sotsial'nogo rassloeniya v Rossii [Socio-economic Inequality in the Modern World and the Forming of New Kinds of Social Stratification in Russia]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, 2018, no 2, pp. 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35/> (in Russ.).

Veber M. Proiskhozhdenie sovremennogo kapitalizma [The Genesis of Modern Capitalism]. Istoriya hoziaystva. Gorod. Moscow, KANON-press-C, 2001. 576 p. (in Russ.).

Yadov V. A. Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiyskikh transformatsiy [Modern theoretical sociology as a conceptual base for the study of Russian transformations]. Saint-Petersburg, Intersotsis, 2006. 108 p. (in Russ.).

Yasin E. G. Modernizatsiya i obshchestvo. Modernizatsiya neobhodima. Gotovo li obshchestvo? [Modernization and society]. Modernizatsiya ekonomiki i obshchestvennoe razvitie. Ed. by E. G. Yasin. Vol. 1. Moscow, SU HSE publ., 2007, pp. 9–98 (in Russ.).

Yasin E. G. Stsenarii razvitiya Rossii na dolgosrochnuyu perspektivu [Russia's long-term development scenarios]. Moscow, «Liberal'naya missiya» Foundation, 2011. 48 p. (in Russ.).

Zaslavskaya T. I. K desyatiletiyu mezhdunarodnogo simpoziuma «Kuda idiot Rossiya?..» [By the decade of the international symposium “Where Does Russia Go?”]. Kuda prishla Rossiya? Itogi sotsial'noy transformatsii. Ed. by T. I. Zaslavskaya. Moscow, MHSSES publ., 2003, pp. 12–15 (in Russ.).

Zaslavskaya T. I. Kuda idiot Rossiya? [Where Does Russia Go?]. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. Mezhdunarodnyy simpozium 17–19th December 1993. Moscow, Interpraks, 1994. 320 p. (in Russ.).

Zaslavskaya T. I. Sotsial'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatelnostno-strukturnaya kontseptsiya. Moscow, Delo, 2002. 568 p. (in Russ.).

Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. Sotsial'nye transformatsii Rossii v epokhu global'nykh izmeneniy [Russian Social Transformations in the Global Changes Era]. Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeystviya. Vserossiyskiy sotsiologicheskii kongress. 21–24th October 2008. Moscow, Veche, 2010, pp. 91–107 (in Russ.).